

Key words: superimperative norms, public order, imperative norms, norms of direct application.

УДК 343.915

О СПЕЦИФИКЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

М. О. Маршуба, соискатель

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого

Проанализированы процессы и явления, происходящие в обществе и ведущие к формированию основной субъективной причины преступного поведения – криминогенно ориентированного сознания и психологии подростка на применение насилия над личностью другого человека для удовлетворения собственных корыстных устремлений.

Ключевые слова: *личность несовершеннолетнего корыстно-насильственного преступника, детерминация корыстно-насильственной преступности несовершеннолетних.*

Постановка проблемы. Преступление по своему социальному и психологическому содержанию – сложный вид специфической деятельности, поскольку в нем, как и в любой форме деятельности, всегда обнаруживается диалектика взаимопереходов внешних факторов во внутренние, а затем – их объективизация в деянии. Как справедливо указывается в специальной литературе, окружающие макро- и микроусловия жизни индивида определяют содержание его духовного мира, а внутренние черты, качества и свойства воплощаются в деятельности, которая активно воздействует на окружающие условия [3, с. 24]. Этот непростой для понимания механизм взаимовлияния различных факторов реальной действительности, продолжением действия которого является поведенческая активность определенной направленности, осмысливается в контексте знаний о криминологических проблемах детерминации преступности. Вместе с тем без соответствующих знаний в области детерминации преступности не представляется возможным создать эффективную систему предупреждения преступности, в том числе корыстно-насильственной преступности несовершеннолетних.

Анализ последних исследований и публикаций. Как показывает мониторинг криминологической литературы, к проблематике преступности несовершеннолетних, включая ее корыстно-насильственный сегмент, обращаются достаточно часто. Уже накоплен теоретический материал относительно познания природы причин и условий преступного поведения подростков, на котором должны основываться современные подходы к организации и проведению субъектами предупреждения соответствующей работы в сфере противодействия преступности несовершеннолетних. Заметный вклад в развитие этой проблемы внесли, в частности, Г. Аванесов, А. Алексеев, Ю. Антонян, А. Блага, В. Батыргареева, В. Голина, Б. Головкин, Дж. Грэхэм, С. Денисов, И. Даньшин, А. Долгова, С. Елисеев, В. Емельянов, А. Закалюк, М. Колодяжный, А. Костенко, Р. Мэртон, Л. Прокументов, И. Туркевич, В. Шакур, Е. Шостко, Н. Яницкая и др.

Однако исследователи, обращаясь к проблематике преступности несовершеннолетних в целом, не всегда акцентировали внимание именно на особенностях формирования корыстной мотивации и избрания агрессивного насильственного способа завладения чужим имуществом у подростков в единстве сложных психологических механизмов, на которые воздействуют в первую очередь социальные условия так называемого макросредового характера. Поэтому данный пробел требует детального изучения с учетом имеющегося опыта и современных тенденций развития преступности в Украине.

Формулирование целей. При выборе соответствующей модели видения картины происхождения корыстно-насильственной преступности в среде несовершеннолетних мы исходили из необходимости адекватно пояснить бесконечный цикл все нового и нового продуцирования насильственного противоправного поведения в среде подростков, связанного с завладением чужими материальными ценностями, с позиции влияния окружающей социальной обстановки.

Изложение основного материала. Говоря о причинах преступности несовершеннолетних, следует помнить, что несовершеннолетний преступник не становится таким неожиданно, именно в момент совершения преступления. Чаще всего антисоциальные свойства его личности формируются постепенно, а совершение таким лицом преступления является уже следствием такого формирования [16, с. 57]. При этом, как указывается в специальной литературе, существуют многочисленные пояснения преступного поведения детей, воплощающиеся в соответственных теориях. Большинство из этих теорий сконцентрированы на тех либо иных составляющих микросреды, которые негативно влияют на процесс социализации несовершеннолетних [16, с. 256]. Представляется, что методологически выверенной является научная позиция,

согласно которой формирование личности несовершеннолетнего обуславливается не только микросредой, но и макросредой, либо, иными словами, несовершеннолетние всегда испытывают влияние не только своего ближайшего окружения – родителей, воспитателей, друзей, соседей и др., но и всего общества и государства, которое осуществляется через соответствующие учебные и воспитательные учреждения, средства массовой информации, общественные организации и т. п. И в этом аспекте преступность несовершеннолетних выступает следствием не только семейного неблагополучия, негативного влияния ближайшего окружения, но и определенных особенностей социально-экономического и политического развития общества в трансформационном переходном периоде [14, с. 58–59].

Подробнее проанализируем, что именно ведет к формированию основной субъективной причины преступного поведения – криминогенно ориентированного сознания и психологии подростка на применение насилия над личностью другого человека во имя удовлетворения собственных корыстных устремлений.

Прежде всего необходимо рассмотреть комплекс детерминант общегосударственного масштаба (т. е. уровня, обозначаемого как макросреда), обуславливающих формирование криминогенно ориентированного сознания и психологии отдельных лиц, включая подростков, в отношении обогащения с использованием средств уголовно наказуемого насилия над личностью другого человека. Этот комплекс традиционно представлен такими сферами жизни общества, как социально-экономическая, политическая, морально-психологическая, правовая и др.

На преступность несовершеннолетних влияют и обуславливают ее социальные, нередко противоречивые процессы и явления, происходящие в обществе. Из существующих социально-экономических тенденций наиболее тревожной является социальная стратификация – расслоение общества с признаками растущего неравенства, падения уровня жизни, прогрессирующего обнищания, особенно семей, имеющих детей. Эти факторы формируют социальную и криминальную напряженность в обществе [19, с. 10]. К этому следует добавить снижение качества жизни большинства населения страны и высокий уровень профессиональной невостребованности.

Как справедливо отмечается в специальной литературе, потеря прежнего социального статуса, снижение уровня жизни огромной части населения, прогрессирующий рост безработицы приводят к тому, что все большее число людей, чувствуя неуверенность в будущем и не имея возможности получить работу по специальности, вынуждены ориентироваться на образ жизни, сопряженный с нарушениями норм морали и права [8, с. 21]. В сложной социально-экономической ситуации, ставшей следствием кризисных транс-

формаций переходного періода, більшість людей не змогли адаптуватися к новим соціально-економічним умовам, в яких господують жорстока конкуренція, економічне нерівність, погоня за прибутком, безробіття, соціальна незахищеність і т. д. [7, с. 81].

В подібній обстановці кримінальне насильство стає обиденим явищем, яке все частіше намагаються представити як якусь боротьбу за виживання, більш-менш достойні умови існування в сучасному суспільстві [20, с. 95]. Причому под таке «виживання» розуміється і здійснення злочинів по корисливим мотивам як спосіб «заробітка». Це стан загальної напруженості в суспільстві не може не сказуватися і на дітях, особливо з неблагополучних сімей, які нерідко можуть чути, що вони «лишні роти» в сім'ї. З-за цього не тільки страждає матеріальне благополуччя останніх, але і ставляться під сумнів їх майбутнє, результат їх успішної соціалізації в достатньо складних соціально-економічних реаліях. «Проходження» практично всіх ступенів такої соціалізації підлітків з проблемних сімей стає дуже складним для них. Насправді, серед найбільш важливих соціально-економічних проблем, які перешкоджають нормальної соціалізації молоді і суттєво відображаються на рівні і якості життя, слід відзначити супереччя в галузях освіти, праці і зайнятості, забезпечення житлом [6, с. 240]. Ще раз підкреслимо, що каталізатором, свого роду основою всіх інших аспектів успішної соціалізації, так сказати, її зовнішньої сфери, виступає напруженість, яка існує в сім'ях (внутрішня сфера соціалізації). В цьому спостерігається взаємозв'язок процесу наблизення неповнолітньої особистості до загальноприйнятих стандартів і параметрів соціального контексту життя суспільства.

Механізм формування корисливих прагнень в умовах нерівності був розкритий ще К. Марксом, який справедливо відзначав: «Як би це не було мало якогось-будь будинку, але поки оточуючі його будинки точно також малі, він задовольняє всім пред'являемым до житла вимогам. Але якщо поруч з маленьким будинком виростає палац, то будинок зсувається до розмірів жалкої хижини. Тепер малі розміри будинку свідчать про те, що його власник абсолютно не вимогливий або дуже скромний в своїх вимогах; і як би не збільшувалися розміри будинку з прогресом цивілізації, але, якщо сусідній палац збільшується в однаковій або ще більшій ступені, мешканець порівняно маленького будинку буде відчувати себе в своїх чотирьох стінах все більш незручно, все більш незадовільно, все більш принижено» [18, с. 446]. Цей психологічний механізм універсальний і діє до наших днів [24, с. 31]. Саме в такій моделі ментальності зароджуються осередки соціально небезпечної корисливості людини:

высокие стандарты жизни, навязанные в довольно агрессивной манере определенной преуспевающей в материальном плане частью общества, которая образовалась в результате небывалого социального расслоения, и отсутствие легальных путей достижения этих стандартов для подавляющего большинства – такова составляющая и корысти-нужды, и корысти-паразитизма, и корысти-зависти, и корысти-стяжательства, других ее проявлений. Подростковое восприятие этой ситуации как порождение общественного сознания и его ретранслятор в механизме преступного поведения – психологическая причина противоправных корыстных действий несовершеннолетних, в той либо иной степени направленных на удовлетворение потребностей материального характера.

На социальные позиции и поведение подростков пагубно влияют их низкая социальная и правовая защищенность. Все чаще вскрываются нарушения конституционных гарантий прав несовершеннолетних в основных социальных институтах их жизнедеятельности, что не только реально приводит к перерастанию безнадзорности в беспризорность, но и становится одной из распространенных причин противоправного поведения подростков [19, с. 11]. Кроме того, к социально-экономическим детерминантам преступности несовершеннолетних, в частности корыстно-насильственной, в условиях рыночных отношений можно отнести проблемы трудоустройства и занятости подростков всех категорий: выпускников и отчисленных из образовательных учреждений за неуспеваемость, возвратившихся из мест лишения свободы и специальных учебно-воспитательных учреждений, стоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел за правонарушения и др. К слову, необеспечение государством социальных гарантий получения первого рабочего места порождает скептическое отношение отдельных слоев молодежи к необходимости продолжения обучения после окончания школы [6, с. 241]. Как следствие недостаточная конкурентоспособность и низкий образовательно-квалификационный уровень детерминируют наибольшую социальную уязвимость на молодежном рынке труда именно самой младшей возрастной группы, представители которой составляют едва ли не половину грабителей, разбойников, вымогателей, убийц с корыстных мотивов [6, с. 243].

Особого внимания заслуживают вопросы охраны жилищных прав несовершеннолетних, которые в период активных процессов разгосударствления жилищного фонда и создания рынка жилья массово нарушались. В корыстных целях родители, как правило, ведущие асоциальный образ жизни, в том числе лишённые родительских прав, распоряжались долей жилья несовершеннолетних в ущерб их интересам [19, с. 12].

В специальной литературе неоднократно указывалось на взаимосвязь и взаимообусловленность политического режима государства, политико-идео-

логических факторов и различных видов преступности [10, с. 136–156; 21; 25]. Как известно, противоречивые процессы, происходящие на политической арене, отражаются и на жизни социума. И не всегда такое влияние несет созидательное, благотворное начало, поскольку так называемый политбонд способен нести криминогенный заряд. Действительно, отношение политиков к нуждам собственного народа разрушает основы моральности, обесценивает человеческую жизнь, культивирует неверие в позитивный выход из системного кризиса нашего общества [2, с. 454]. Утрата важнейших функций в экономике, ослабление контроля в кредитно-финансовой и банковской сферах, расхищение государственного имущества в гигантских размерах, криминальная приватизация, коррупция и много иных криминальных явлений – все это образцы, с криминологической точки зрения, несостоятельности органов управления навести порядок в государстве [5, с. 137–138]. Таким образом, эта сфера может выступать обуславливающим преступность фактором макроуровневого характера.

В подобной обстановке обострение социально-политической напряженности в обществе, при которой отдельный гражданин нередко чувствует себя ущемленным в своих политических и социальных правах, всегда чревато опасностью всплеска преступного поведения, ростом попыток решить назревшие проблемы противоправным путем, в том числе с применением насилия над личностью при завладении чужим имуществом. Именно криминальное насилие как социально детерминированное явление в первую очередь и «реагирует» на существенные негативные изменения политической и общественной жизни страны, ухудшение экономических условий, кризисные явления общесоциального характера [4, с. 62].

Как же обуславливающие криминогенную деформацию психологию и противоправное поведение факторы социально-политического «происхождения» влияют на продуцирование корыстно-насильственной преступности несовершеннолетних? Во-первых, государственная молодежная политика, предназначением которой является разрешение насущных проблем данного поколения, в настоящее время фактически пребывает в стагнации, даже невзирая на то, что в Украине принята и действует Государственная целевая социальная программа «Молодежь Украины» на 2009–2015 гг., цель которой – создание системы правовых и социально-экономических условий для эффективной социализации и самореализации молодежи, обеспечение всесторонней поддержки и развития ее общественной активности, реализации интеллектуального, физического, творческого потенциала молодежи, решения ее проблем [9]. Анализ мер, предусмотренных этим документом, свидетельствует о том, что в нем ничего не говорится о путях разрешения жилищной проблемы, преодоления семейного неблагополучия, предотвращения ранней

алкоголизации, бродяжничества, психических отклонений и т. д. А именно наличие указанных проблем и отсутствие каких-либо определенных перспектив их разрешения во многом выступают предтечей корыстной мотивации человека как таковой.

Во-вторых, морально-психологическая сфера личности подростка в силу известных причин (возрастные особенности психики, незавершенность процесса социализации и др.) является «благодатной» почвой для культивирования в его сознании мысли об обогащении любой ценой, праве и правоте сильнейшего, абсолюте высоких жизненных стандартов, о которых, как уже отмечалось, подростки имеют весьма расплывчатое представление, и т. д. В результате подобных метаморфоз путь достижения чего-либо любой ценой обретает вполне оправдываемые очертания, а образ стяжателя представляется не таким уж и плохим. Кто, как не представители политической элиты, в этом случае выступают олицетворением «решительных шагов», прообразом людей, «целеустремленность» действий которых вообще не признает границ?

В-третьих, на фоне подобной психологии корыстолюбия, стяжательства и исповедования права сильнейшего подростки скептически относятся к возможностям государственной помощи, а главное – к заинтересованности государства в реальном облегчении их жизни. Поэтому они и рассчитывают только на себя, на собственные силы, возможно, на силы, как им кажется, единомышленников.

В-четвертых, реалии нашей социально-экономической и политической жизни таковы, что изначально подростки оказываются в неравных социальных условиях, обладая различными стартовыми возможностями. По мере взросления пропасть, изначально заданная этими самыми стартовыми возможностями, только усугубляется. Возникает еще один дополнительный стимул к социальной неприязни со всеми вытекающими из этого последствиями (зависть, корыстность, обида, желание «отомстить» успешным за неудачи в жизни и т. д.).

Социально-экономические и социально-политические факторы, детерминирующие совершение корыстно-насильственных преступлений, в тому числе подростками, так или иначе отражаются в общественном сознании людей, тем самым влияя на формирование их ценностного отношения к жизни и здоровью человека, собственности и иным благам, а также на убеждения недопустимости нарушений норм уголовно-правовой охраны перечисленных благ. Однако еще одним феноменом макроуровня, который в большой степени способен продуцировать криминогенность общественного сознания и общественной психологии, является морально-психологическая сфера жизни общества, вернее, та нездоровая атмосфера, неопределенность жизненных перспектив и системный кризис всех сфер жизнедеятельности общества,

которые приводят к его нравственному нездоровью как перманентному состоянию, с которым люди вынуждены ужиться, но не перебороть его. В государстве, по словам В. Лунеева, идет социально-психологический процесс интенсивного привыкания населения к растущей преступности, в том числе и к ее относительно новым формам – организованной, террористической и коррупционной [17, с. 98]. Поэтому в специальной литературе справедливо указывается, что само размежевание общества на бедных и богатых сопровождается множеством различных насильственных преступлений, связанных с многообразными криминальными способами получения максимальной прибыли, и формирует массовую психологию патологического стяжательства и социального паразитизма – традиционных факторов, формирующих корыстную мотивацию в поведении населения, корыстную преступность и «теневую» экономику [22, с. 356]. Таким образом, на уровне общественного сознания и психологии происходит своего рода адаптация к массовым фактам криминальных форм «жизнедеятельности» своих же сограждан. Неслучайно в связи с этим подчеркивается, что «причинами преступности выступает органическая совокупность разнообразных явлений и процессов – преимущественно *социально-психологического характера*, которые во взаимозависимости и взаимодействии с обстоятельствами, играющими роль условий, имманентно вызывают существование, воспроизводство и структурные изменения преступности как социального явления...» [13, с. 61] (курсив мой. – М. М.).

Кроме того, серьезной медико-социальной проблемой украинского общества была и остается проблема распространения алкоголизма. В условиях существования пагубных традиций массового потребления алкоголя сформировалась значительная прослойка населения, для которой злоупотребление спиртными напитками стало привычкой, нормой повседневного поведения, своеобразной константой его бытия. Опасность этого усиливается еще и за счет того, что подобная модель проведения досуга в дальнейшем становится мощным фактором втягивания новичков в употребление алкоголя, стремительного распространения алкоголизма [1, с. 35]. К тому же достаточно значительно и количество лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. Например, в 2009 г. их численность составляла 15,1 %, в 2010 г. – 15,6 %, в 2011 г. – 16,6 %. Как видим, даже на этом незначительном промежутке времени наблюдается прогрессирующая тенденция к алкоголизации правонарушителей. Напомним, что по результатам нашего исследования 61,52 % (!) подростков в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения.

Также следует подчеркнуть, что еще в 2004 г. Верховная Рада Украины в документе «О Рекомендациях парламентских слушаний по теме “Социаль-

но-экономические проблемы ВИЧ/СПИДа, наркомании и алкоголизма в Украине и пути их решения”» отмечала, что алкогольными расстройствами, по оценочным данным (с учетом латентного количества) страдает почти 7 % населения Украины трудоспособного возраста. При этом количество таких лиц остается стабильным, без уменьшения численности, а удельный вес детей и молодежи среди них постепенно увеличивается. По оценкам отечественных наркологов, в Украине постоянно употребляют алкоголь 1 % 12–13-летних детей и около 5 % 16–18-летних подростков [23]. Тревогу вызывает и тот факт, что сегодня алкоголизация охватывает практически все социальные группы населения. Традиционно более «трезвая» часть населения – женщины в последнее время все чаще и чаще приобщаются к употреблению алкогольных напитков, что в свою очередь резко сужает социальную базу для развертывания борьбы с этим негативным явлением. Пока будут сохраняться подобные тенденции, будет существовать и связь «алкоголизм – моральное обнищание и деградация общества – проблемы социализации подрастающего поколения – преступность». Не мене острой является и проблема наркомании и токсикомании.

Исходя из того, что самыми незащищенными от социальных потрясений и уязвимыми от влияния криминогенных факторов являются несовершеннолетние, снова отметим, что любые негативные общественные процессы социально-психологического порядка в первую очередь отражаются на социально незащищенных слоях населения, к каковым относится и подрастающее поколение. Последнее «входит» в морально нездоровое общество, изначально неся на себе стигму социальной порочности, прочно отпечатавшейся в его общественном сознании.

Вместе с социальной апатией и негативизмом в последнее время среди молодежи набирает стремительные обороты правовой нигилизм как скептическое либо вообще негативное отношение к праву, неверие в его потенциальные возможности решать социальные проблемы в соответствии с социальной справедливостью. Недостаточная политическая воля, направленная на выполнение государством своих социальных обязательств перед гражданами, а также отсутствие поддержки социально незащищенных слоев населения влияют на существенное снижение уровня правосознания людей, и в целом негативно отражаются на общем состоянии законности. Вследствие этого многие граждане начинают довольно скептически, а порой и негативно относиться к деятельности правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, считают бесполезными обращения за помощью к ним и предпочитают самостоятельно решать создающиеся конфликтные ситуации, используя для этого также и насильственные методы [12, с. 509]. Острота проблемы нигилистического отношения к закону усиливается многократно,

когда речь идет о несовершеннолетних, решающих проблемы материального плана при помощи насильственных методов над личностью другого человека. Представляется, что эта «исключительная» форма нравственного цинизма, которым может поражаться личность в столь молодом возрасте, суть продолжение ее общей нигилистической направленности. Возникновение такого состояния не является одномоментным актом, поскольку оно опосредуется достаточно длительным процессом морального разложения и упадка личности.

Если следовать диалектическим представлениям в отображении картины развития общественного бытия, то недостатки и просчеты макроуровня общественной жизни, способные выступать детерминантами тех либо иных преступных проявлений, находят свое продолжение и развитие в феноменах, отнесенных к микроуровню социализации личности. Микросреда может усилить либо ослабить влияние макросреды, что не может не учитываться при рассмотрении вопроса о формировании личности, ведь позитивная микросреда в состоянии в какой-то мере нейтрализовать негативное влияние макросреды, если такая имеет место [11, с. 177]. При этом существенными в определении детерминант правонарушений считают динамическую связь и взаимозависимость условий жизнедеятельности и социальной ситуации развития подростка, которые в целом влияют на его приспособление к условиям среды.

Выводы. Главным итогом влияния всех перечисленных негативных факторов, отмечаемых в нашем обществе, выступает *социальная дезадаптация* личности несовершеннолетнего преступника, иными словами, такое качество его социализации, при котором он приобретает негативный опыт, приводящий в последующем к противоправным поступкам. Именно в процессе подобной «адаптации» к окружающей обстановке (естественно, не без непосредственного «участия» негативных аспектов микроуровня) формируется корыстно-насильственная направленность личности несовершеннолетнего преступника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батиргареева В. С. Протидія поширенню алкоголізму – пріоритетний напрям державної політики у сфері боротьби зі злочинністю / В. С. Батиргареева // Питання боротьби зі злочинністю : зб. наук. пр. / редкол.: В. І. Борисов та ін. – Х. : Право, 2013. – Вип. 25. – С. 35–44.
2. Батиргареева В. С. Рецидивна злочинність в Україні: соціально-правові та кримінологічні проблеми : монографія / В. С. Батиргареева. – Х. : Право, 2009. – 576 с.
3. Гасанов Р. И. Социальный контроль и личность преступника / Р. И. Гасанов, М. Т. Задояный // Економіка, фінанси, право. – 2008. – № 8. – С. 24–29.

4. Гилинский Я. И. Социальная ситуация в России и девиантное поведение / Я. И. Гилинский // Актуальные проблемы девиантного поведения (борьба с социальными болезнями) / под ред. Б. М. Левина. – М. : РАН Ин-т социологии, 2001. – 200 с.
5. Голіна В. В. Кримінологічні та кримінально-правові проблеми боротьби з бандитизмом: соціально-правове і кримінологічне дослідження : монографія / В. В. Голіна. – Х. : Регіон-інформ, 2004. – 212 с.
6. Головкін Б. М. Корислива насильницька злочинність в Україні: феномен, детермінація, запобігання : монографія / Б. М. Головкін. – Х. : Право, 2011. – 432 с.
7. Головкін Б. М. Кримінологічні проблеми умисних вбивств і тяжких тілесних ушкоджень, що вчиняються у сімейно-побутовій сфері : монографія / Б. М. Головкін. – Х. : Нове слово, 2004. – 252 с.
8. Горелик А. В. Причины преступности в России / А. В. Горелик // Корни и причины преступности в России : общеакад. науч. конф. студентов и молодых ученых (март 2001 г.) : доклады / под ред. А. А. Петрова. – М. : Норма, 2001. – С. 20–24.
9. Державна цільова соціальна програма «Молодь України» на 2009–2015 роки : затв. постановою Каб. Міністрів України від 28 січ. 2009 р. № 41 // Офіц. вісн. України. – 2009. – № 7. – Ст. 217.
10. Кальман О. Г. Стан і головні напрямки попередження економічної злочинності в Україні: теоретичні та прикладні проблеми : монографія / О. Г. Кальман. – Х. : Гімназія, 2003. – 352 с.
11. Ковальчук З. Я. Особливості психології особистості неповнолітнього правопорушника / З. Я. Ковальчук // Наук. вісн. Львів. держ. ун-ту внутр. справ. Серія Психологічна : зб. наук. пр. / голов. ред. В. Л. Ортинський. – Львів : ЛьвДУВС, 2008. – Вип. 1. – С. 175–183.
12. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – М. : Норма, 2001. – 784 с.
13. Кримінологічна характеристика злочинів проти життя та здоров'я особи, що вчиняються неповнолітніми / кол. авт.: В. В. Голіна, В. П. Ємельянов, С. Ю. Лукашевич та ін. ; за заг. ред. В. В. Голіни. – Х. : Кроссруд, 2007. – 156 с.
14. Кримінологічні проблеми попередження злочинності неповнолітніх у великому місті: досвід конкретно-соціологічного дослідження : монографія / за заг. ред. В. В. Голіни та В. П. Ємельянова. – Х. : Право, 2006. – 291 с.
15. Криминологія: Загальна та Особлива частина : підручник / І. М. Даньшин, В. В. Голіна, М. Ю. Валуйська та ін. ; за заг. ред. В. В. Голіни. – 2-ге вид. переробл. і допов. – Х. : Право, 2009. – 288 с.
16. Літвінова О. В. Причины злочинності неповнолітніх та заходи її попередження / О. В. Літвінова // Сучасні напрямки профілактики та актуальні проблеми розслідування злочинів, що вчиняються неповнолітніми : матеріали наук.-практ. семінару (м. Харків, 30 трав. 2009 р.) / редкол.: Ю. П. Янович (голова) та ін. – Х. : Харк. нац. ун-т внутр. справ, 2009. – С. 55–59.
17. Лунеев В. В. Преступность в России: тенденции, эффективность борьбы, прогноз / В. В. Лунеев // Организованная преступность, терроризм и коррупция : криминолог. ежегодн. альманах. – М. : Юристъ, 2003. – Вып. 3. – С. 95–108.

18. Маркс К. Наемный труд и капитал / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. : в 39 т. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 6. – 760 с.
19. Минина С. П. Преступность несовершеннолетних / С. П. Минина ; науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Ген. прокуратуры РФ, 1998. – 44 с.
20. Монгуш Ш. Ч.-О. Тяжкие насильственные преступления против жизни и здоровья личности и их предупреждение (на материалах Республики Тыва) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ш. Ч.-О. Монгуш ; Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков, 2004. – 232 с.
21. Политический режим и преступность. Проблемы политической криминологии / В. Н. Бурлаков, Ю. Н. Волков, В. П. Сальников и др. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 365 с.
22. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Ю. М. Антонов, В. Н. Бурлаков, В. В. Вандышев и др. ; науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 592 с.
23. Уповноважений Президента України з прав дитини ініціює збір інформації про місця, де дітям продають алкоголь та цигарки [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.prezident.gov.ua/news/23895.html>. – Заголовок з екрана.
24. Шиханцов Г. Г. Предупреждение грабежей и разбоев / Г. Г. Шиханов, И. А. Муха. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. – 103 с.
25. Шнайдер Г. Й. Криминология / Г. Й. Шнайдер ; пер. с нем. ; под общ. ред. и предисл. Л. О. Иванова. – М. : Изд. группа «Прогресс» – «Универс», 1994. – 502 с.

ПРО СПЕЦИФІКУ ДЕТЕРМІНАЦІЇ СУЧАСНОЇ КОРИСЛИВО-НАСИЛЬНИЦЬКОЇ ЗЛОЧИННОСТІ НЕПОВНОЛІТНІХ

Маршуба М. О.

Проаналізовано процеси і явища, що відбуваються у суспільстві та ведуть до формування основної причини злочинної поведінки – криміногенно орієнтованої свідомості та психології підлітків на застосування насильства над особою іншої людини для задоволення власних корисливих прагнень.

Ключові слова: *особа неповнолітнього корисливо-насильницького злочинця, детермінація корисливо-насильницької злочинності неповнолітніх.*

ON THE SPECIFICS OF THE DETERMINATION OF THE MODERN SELFISH AND VIOLENT JUVENILE CRIME

Marshuba M. O.

The paper analyzes the processes taking place in society and leading to the formation of the main causes of criminal behavior – criminally oriented conscious-

ness and psychology of adolescents on violence against the another person to satisfy their own selfish desires.

Key words: person of a juvenile selfish and violent offender, determination of selfish and violent juvenile crime.

УДК 342.92

СКАРГА ЯК ПРОЦЕСУАЛЬНА ФОРМА ПРАВОЗАХИСТУ В АДМІНІСТРАТИВНО- ПРАВОВИХ ВІДНОСИНАХ

*Д. В. Лученко, кандидат юридичних наук, доцент
Національний юридичний університет імені Ярослава Мудрого*

Присвячено характеристиці адміністративної скарги як процесуальної форми захисту прав фізичних і юридичних осіб у адміністративно-правових відносинах і засобу оскарження рішень, дій або бездіяльності суб'єктів владних повноважень. Виокремлено ознаки скарги, які є спільними для всіх процесуальних форм захисту прав, а також ознаки, які відображають своєрідність скарги як процесуальної форми.

Ключові слова: адміністративна скарга, адміністративний позов, адміністративний процес, захист прав, оскарження.

Постановка проблеми. Одним із важливих теоретичних і прикладних питань функціонування механізмів оскарження в адміністративному праві є засоби оскарження, які виражають процесуальні форми захисту прав фізичних і юридичних осіб у відносинах із носіями публічної влади. Використовуючи ці засоби, особа у порядку, встановленому законом, може оскаржити рішення, дію чи бездіяльність суб'єктів владних повноважень, яку вважає незаконною чи неправомірною.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Проблематиці процесуальних форм захисту прав присвячено праці таких дослідників, як О. Беяневич, В. Гіжевський, Ю. Дорохіна, Л. Гончар, І. Зайцев, О. Зеленцов, Т. Коломонець, В. Лукашевич, Г. Осокіна, Н. Писаренко, В. Полухович, Ю. Попова, С. Симонян, Ю. Старілов, В. Сьоміна, В. Тимощук та ін. Однак вони або зосереджені в основному на такій процесуальній формі, як адміністративний позов (а згадки про скаргу мають вторинний, допоміжний характер), або ж мають